

мень: „изъ того, что случилось въ царствованіе Юліана, достойно разказа еще одно событіе, сдѣлавшееся знаменіемъ Христовой силы и показателемъ Божія гнѣва къ государю. Узнавъ, что въ Кесаріи Филипповой, городѣ финкійскомъ, называемомъ Панендою есть знаменитое изображеніе Христа, воздвигнутое избавившееся отъ болѣзни кровоточивою, Юліанъ снялъ его и на то мѣсто поставилъ изображеніе самого себя; но упавшій съ неба бурный огонь сокрушилъ грудь статуи, а голову съ шеею низвергъ, и такъ какъ сокрушена была грудь, бросилъ ее ницъ на землю; съ того времени статуя Юліана и до нынѣ остается въ этомъ видѣ, т. е. вся покрыта черными слѣдами громоваго удара. А изображеніе Христа язычники влачили тогда по городу и сокрушали; обломки его послѣ собраны христіанами и положены въ церкви, гдѣ хранятся они и теперь“. (Церк. истор. Эрмія Савом., стр. 364, гл. 21).

Итакъ, приведенныя вами доказательства служатъ подтвержденіемъ того, что въ истинно христіанской церкви иконы Христа, Его Матери и святыхъ благоговѣнно писались и почитались съ самыхъ временъ апостольскихъ. Съ четвертаго и пятаго вѣка мы видимъ безчисленныя свидѣтельства св. отцовъ о почитаніи св. иконъ, о чемъ можно видѣть въ православно-догматическомъ богословіи Московскаго митрополита Макарія. (Изд. III, 1868 г., ч. II, стр. 582—3, 4, 5). Одинъ изъ приведенныхъ митрополитомъ Макаріемъ отцовъ, свят. Василій Великій говоритъ такъ: преемлю и св. апостоловъ, пророковъ и мучениковъ, и призываю ихъ къ ходатайству предъ Богомъ, да чрезъ нихъ, т. е. по ихъ предстательству, милостивъ будетъ мнѣ человеколюбецъ Богъ и да подастъ мнѣ оставленіе прегрѣшеній; почему чту и начертанія ихъ иконъ и поклоняюсь предъ ними, особенно же потому, что они передавы отъ св. апостоловъ и незапрещены, но изображаются во всѣхъ нашихъ церквахъ. (Стр. 579).

Школа для народа, или народъ для школы?

«Понятіе о народной школѣ есть истинное понятіе, но, къ несчастью, его перемудрили повсюду въ устройствѣ новой школы. По народному понятію школа учить читать, писать и считать, во въ нераздѣльной связи съ этимъ, учить знать Бога и любить Его и бояться, любить отечество, почитать родителей. Вотъ сумма знаній, умѣ-

ній и ощущеній, которыя въ совокупности своей образуютъ въ чело-вѣкѣ *совѣсть* и даютъ ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновѣсіе въ жизни и выдержать борьбу съ дурными побужденіями природы, дурными внушеніями и соблазнами.

Такъ характеризуетъ школу насадитель народныхъ школъ К. П. Побѣдоносцевъ. Остановливаясь мыслю на современныхъ намъ начальныхъ училищахъ и школахъ, невольно задаешься инымъ вопросомъ: существующія школы созданы ли для народа, или же народъ служить школь? Какъ не странно кажется этотъ вопросъ, но разбираясь въ задачахъ современной школы, въ постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ нихъ, въ ихъ пригодности въ жизни и практическомъ примѣненіи приобретаемыхъ въ нихъ знаній, а также въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ существованія сихъ школъ, этотъ вопросъ выдвигается рельефнѣе на фонѣ общей школьной жизни.

Главная и основательная задача почти всѣхъ начальныхъ школъ свелась къ тому, чтобы пройти данную программу. Но такъ какъ программы довольно обширны по тому учебному времени, какимъ располагаетъ школа, то не удивительно, что изъ программъ выхватывается только то, что представляется болѣе существеннымъ и необходимымъ для отвѣтовъ учениковъ при ревизіи, или на экзаменахъ. Нашими программами требуется пройти въ школѣ: по Закону Божію—молитвы съ краткимъ объясненіемъ каждой изъ нихъ, краткую священную исторію ветхаго и новаго завѣта, ученіе о богослуженіи и краткій катихизисъ; по славянскому языку—научить бѣгло читать и переводить славянской текстъ на русскій; по пѣнію—изученіе простѣйшихъ церковныхъ напѣвовъ и пѣніе по обиходу; по русскому языку—научить бѣгло и сознательно читать, правильно написать подѣ диктовку, знаніе кратко частей рѣчи и нѣкоторыя понятія о синтаксическомъ строеніи рѣчи; по ариметикѣ—рѣшеніе задачъ въ предѣлахъ чиселъ любой величины, составныхъ именованныхъ чиселъ, знакомство съ квадратными и кубическими мѣрами и съ простѣйшими дробями.

Требованія программы кажутся незначительными, но если принять во вниманіе краткій трехгодичный курсъ (изъ которыхъ едва набирается до 200 учебныхъ дней) начальныхъ школъ, неподготовленность и неразвитость крестьянскихъ дѣтей до поступленія въ школу,

то будетъ понятно, что тщательно и вполне обоснованно такой программы не исполнить.

Объ общемъ развитіи учениковъ, нравственно-религіозномъ воспитаніи въ нихъ стремленія къ самообразованію едва-ли возможно и говорить. Эта существенная задача, эта главнѣйшая цѣль начальныхъ школъ совершенно упускается изъ виду, и опять по тѣмъ же причинамъ: по недостатку времени на выполненіе требуемой программы, по несоотвѣтственности принятыхъ учебниковъ и т. д.

Первымъ и самымъ существеннымъ предметомъ въ школахъ считается Законъ Божій. На этотъ предметъ удѣлено самое значительное количество часовъ изъ всего учебнаго школьнаго времени и кажется, что бы пройти тщательно указанную программу, всегда достало бы времени, но на повѣрку выходитъ, что и этотъ существенный предметъ, перѣдко сводится къ общему рутинному преподаванію. Были даже такіе прискорбные случаи, когда законоучитель заблаговременно указывалъ ученикамъ, какія исторіи будутъ спрошены у нихъ на экзаменѣ. Исторіи часто заучиваются учениками слово въ слово по книгѣ, и при разказѣ передаются совершенно автоматически безъ всякаго смысла, такъ что, поставленный среди разказа ученику вопросъ, окончательно сбивалъ его съ заученнаго порядка.

Законоучителями школъ состоятъ преимущественно мѣстные священники, на нравственной обязанности которыхъ лежитъ не только воспитать, но выработать изъ учащихъ лучшихъ чадъ православной церкви, стойкихъ, убѣжденныхъ православныхъ христіанъ, твердо понимающихъ истину православнаго ученія, церковныхъ службъ и проч. Но приходится наблюдать, что эти вырастающія поколѣнія становятся самыми индифферентными христіанами, безучастно относятся къ службамъ церковнымъ, далеко отстоятъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ въ приверженности къ Церкви Христовой и къ истинамъ ученія ея. Что же за причина? Причинъ много: и общее маловѣріе, и среда, и жизнь, и стороннее влияніе и проч., но таковой же, а пожалуй, даже и главною причиною надо считать, что въ дѣтскія мягкія сердца въ періодъ ихъ школьной жизни, не вкорены сѣмена истины и любви къ Богу и Его св. вѣрѣ. Слѣдовательно, постановка преподаванія Закона Божія въ начальныхъ школахъ далеко неправильна; часы, отведенные на этотъ предметъ, или совершенно остаются не использованы

для Закона Божія, или, если и использованы, то не съ надлежащимъ успѣхомъ. И не удивительно! Часто на одного священника приходится законоучительство въ двухъ—трехъ школахъ, слѣдовательно, ежедневно онъ долженъ употребить 2—4 часа на школы, при этомъ церковныя и школы грамоты онъ „долженъ“ посѣщать безвозмездно, другія же школы даютъ за трудъ извѣстное вознагражденіе; нерѣдко одному священнику поручаются одна—двѣ школы платныя, а другому въ этомъ же приходѣ 2—3 бесплатныя. Словъ нѣтъ, воспитаніе прихода въ духѣ христіанской религіи, прямая существенная обязанность каждаго священника, многіе сознаютъ эту нравственную обязанность, но нерѣдко исполнить ее не имѣютъ физической возможности: тѣбы, письменоводство, отчетность, постомъ ежедневная продолжительная служба и проч. Въ церковныхъ школахъ помимо того, учебники, какъ пособіе по Закону Божію, ежегодно передѣлываются и становятся едва-ли лучшими. Появившійся учебникъ еп. Агаеодора съ простымъ доступнымъ для дѣтскаго пониманія языкомъ, явился уже въ передѣлкѣ въ сокращенномъ видѣ и далеко не съ такою ясною простотою рѣчью.

Церковное пѣніе и славянскій языкъ должны бы стоять въ самой близкой связи съ Закономъ Божиимъ. Но на пѣніе въ нашихъ школахъ, какъ въ министерскихъ, такъ и церковныхъ обращается весьма мало вниманія, хотя къ тому и принимаются со стороны начальствующихъ нѣкоторыя поощрительныя мѣры; такъ въ Астраханской епархіи въ церковныхъ школахъ изъ общаго учительскаго жалованія выдѣлено 30 руб. въ годъ въ отдѣльное вознагражденіе за преподаваніе пѣнія, въ другихъ епархіяхъ при замѣщеніи учительскихъ мѣстъ отдають предпочтеніе лицамъ, знающимъ пѣніе. Каждый учитель пѣнія стремится прежде всего изъ выбранныхъ особенно способныхъ школьничковъ образовать особый церковный хоръ для выполненія «спартесовъ» и уроки пѣнія нерѣдко обращаются тогда въ обыденныя спѣвки. Иное дѣло, когда бы изъ учениковъ всей школы, или нѣсколькихъ школъ, гдѣ таковыхъ много, образовать общій массовый хоръ для исполненія сначала общепотребительныхъ пѣснопѣній, а затѣмъ, когда дѣти достаточно освоились бы съ церковными напѣвами, то пѣть съ ними и стихиры (съ канонархомъ) и всѣ другія церковныя пѣснопѣнія. Тогда за этимъ мощнымъ хоромъ запѣла бы вся церковь «единими усты и

единымъ сердцемъ», тогда пѣніе для дѣтей было бы лучшимъ достояніемъ до ихъ старости, а храмъ Божій не былъ бы для нихъ мѣстомъ скуки, служба — неповторною, продолжительность ея — тяжелою обузою, тогда красота церковнаго богослуженія была бы для всѣхъ очевидна, и воспитательна.

Для обученія дѣтей славянской грамотѣ, въ школахъ имѣются книжки «Ильминскаго «Обученіе церковно-славянской грамотѣ», псалтирь, часословъ и Евангеліе. Книжки Ильминскаго обычно предлагаются для прочтенія въ младшихъ отдѣленіяхъ. Когда заглянешь въ эти книжки, то невольно страшишься за дѣтей, которымъ на первой ступени обученія хотятъ предложить столь тяжелое для пониманія чтеніе, какъ ветхозавѣтная біблія на славянскомъ языкѣ. Ясно, что такое чтеніе, никогда не можетъ принести существенной пользы, а скорѣе прямой вредъ, потому что едва не съ первыхъ шаговъ приходится приучать дѣтей къ механическому чтенію

Не полевнѣе ли было бы вмѣсто книжки Ильминскаго дать ученикамъ младшаго отдѣленія для чтенія по славянски то священно-историческое событіе, о которомъ въ этотъ день вель съ дѣтьми бесѣду законоучитель, а такъ какъ въ младшемъ отдѣленіи кругъ историческихъ событій весьма небольшой и преимущественно новозавѣтныхъ, то не трудно эти событія выбрать изъ евангелія, или еще лучше отпечатать отдѣльными книжками. Псалтирь и часословъ, предлагаемые обыкновенно среднему отдѣленію, могутъ служить прекраснымъ пособіемъ для выработки бѣглаго чтенія, но для перевода съ славянскаго на русскій языкъ, они малодоступны. Св. Евангеліе предлагается ученикамъ старшаго отдѣленія, въ то время какъ въ школахъ оно должно быть прочитано всенепремѣнно все, и при томъ съ особеннымъ запоминаніемъ всѣхъ историческихъ событій, чудесъ Христовыхъ и Его св. ученія. При чтеніи св. Евангелія нѣтъ надобности добиваться буквального перевода, а лучше требовать правильной передачи содержанія прочитаннаго. Кромѣ того, чтеніе св. Евангелія должно быть направлено къ тому, чтобы оно имѣло непосредственную связь съ уроками Закона Божіаго. Эти три предмета: Законъ Божій, церковное пѣніе и славянская грамота тогда только принесутъ существенную пользу, когда преподаваніе ихъ будетъ вестись такъ, чтобы одно служило въ помощь другому.

Считая упомянутые три предмета главными, основными въ дѣлѣ начального воспитанія и обученія, нельзя отодвигать на вторую ступень и обученіе родному языку. Преподаваніе этого предмета въ начальныхъ школахъ сводится лишь къ тому, чтобы научить читать и «достаточно» правильно — грамматически писать. Читать обучаютъ дѣтей по особымъ книжкамъ. По скольку эти книжки приспособлены для чтенія учениковъ и какъ ведутся эти чтенія, можно судить по безсодержательнымъ и въ большинствѣ случаевъ «по книжному» передачамъ учениками прочитаннаго. Могутъ-ли принятые въ школахъ книжки своимъ содержаніемъ возбудить, какъ въ ученикахъ, такъ и у родителей ихъ, интересъ къ чтенію, любознательность, стремленіе къ самообразованію? Едва-ли. Не говоря уже объ «азбукахъ», принятыхъ въ церковныхъ школахъ, что представляютъ изъ себя по содержанію общепринятые первыя книжки — «буквари» Тихомірова, Баранова и проч.? Сборъ нѣмецкихъ побасенокъ, изъ которыхъ учитель напрягаетъ силы выжать для учениковъ нравственный выводъ. И на этихъ нѣмецкихъ басенкахъ извольте воспитать нравственность русскихъ дѣтей! Ужели событія изъ Библіи и св. Евангелія въ доступномъ изложеніи не могутъ дать образцовъ нравственности? Да развѣ, наконецъ, не можетъ быть рассказовъ изъ жизни сельскаго мальчика, полныхъ его родного интереса и нравственнаго смысла?

Рѣдкій ученикъ начальной школы сдумаетъ осмысленно передать содержаніе прочитаннаго рассказа. Почему? Да благодаря статьямъ, изложеннымъ въ книжкахъ, учитель не можетъ вести правильно и толково уроковъ объяснительнаго чтенія. Уроки объяснительнаго чтенія — это жизнь начальной школы, — но тогда, когда ребенокъ можетъ за этими уроками изучать отдѣльныя слова, понятія, соединять съ этими словами извѣстныя представленія о предметѣ, разбирая его всѣ индивидуальныя особенности, когда эти отдѣльныя представленія и понятія онъ научится соединять сначала въ одну мысль, потомъ мысли въ извѣстный порядокъ, чтобы составить цѣлое, содержаніе, и наконецъ нѣсколько содержаній объ однородныхъ предметахъ, или объ отдѣльныхъ частяхъ даннаго предмета сгруппировать въ содержаніе о цѣломъ предметѣ, или объ отдѣльномъ родѣ, видѣ предметовъ. Такіе же рассказы, которые помещены въ книжкахъ (Одинцова-Богоявленскаго, Баранова и др.), изъ которыхъ одинъ рассказъ приходится не-

рѣдко дѣлится на два-на-на три урока, въ которыхъ трудно найти и озаглавить отдѣльныя части, едва-ли могутъ внести жизнь въ уроки объяснительнаго чтенія, на нихъ едва-ли можно приучить къ правильному устному, а тѣмъ болѣе и письменному самостоятельному изложенію. Въ настоящее время появились лучшія изъ существующихъ для начальныхъ школъ книги Вахтерова, но они приняты далеко не во всѣхъ школахъ.

Сколько дѣти передаютъ другъ другу сами разказы изъ ихъ собственной жизни, или изъ жизни окружающей ихъ среды, сколько часто въ этихъ разказахъ назидательнаго, имѣющаго практическое примѣненіе въ ихъ жизни, какой интересъ у нихъ къ этимъ роднымъ имъ разказамъ, можетъ передать только тотъ, кто выросъ среди этихъ дѣтей, или кто сроднился съ ними до того, что ихъ безыскусственная, далеко неправильная рѣчь, не могла быть тѣснима чуждымъ человекомъ. Въ тѣхъ же книгахъ, которыя имъ предлагаются въ школахъ, весьма рѣдки статьи, могущія вызвать интересъ, возбудить любознательность дѣтскихъ умовъ, дать практическое примѣненіе въ жизни. И само-собою разумѣется, что урокъ объяснительнаго чтенія при такихъ условіяхъ, не можетъ быть полнымъ жизни, интереса, не можетъ быть живымъ обмѣномъ мыслей учителя съ учениками, не можетъ быть основою для приобрѣтенія дальнѣйшихъ знаній.

«Грамматика для учениковъ, или ученики для грамматики», сказалъ вѣкогда Гротъ, когда увидѣлъ мученія дѣтей надъ изученіемъ правилъ орфографіи подъ руководствомъ малоопытныхъ учителей. Тотъ же самый вопросъ встаетъ при наблюденіяхъ за занятіями по грамматикѣ въ нашихъ начальныхъ школахъ при тѣхъ способахъ преподаванія, къ которымъ пришли въ настоящее время многіе учителя, спѣша подготовить дѣтей къ экзаменнымъ диктовкамъ, имѣющимъ рѣшающее значеніе въ оцѣнкѣ познаній учениковъ и степени трудоспособности учителей. О томъ, чтобы наши школьники сдумѣли самостоятельно изложить свои мысли, или записать—переложить прочитанное, для чего необходимо имѣть понятіе объ основной мысли (идеѣ), содержаніи, совокупности мыслей объ извѣстномъ предметѣ, объ изложеніи, или порядкѣ расположенія мыслей, о формѣ, т. е. словесномъ выраженіи мыслей.—не можетъ быть и вѣчи. Окончившій школу ученикъ, не можетъ написать простѣйшаго письма, дѣловой записки, за-

писать поминаніе, написать прошеніе и т. п. Однимъ словомъ всё его трехгодичные труды, потъ и кровь надъ изученіемъ грамматики, для жизни не даютъ ничего. И что удивительнаго, если родители ученика остаются въ полномъ недоумѣніи, когда видятъ, что ихъ ребенокъ послѣ 3—5 лѣтъ ученія въ школѣ, сдавши экзаменъ «на свидѣтельство, а иногда еще и съ «похвальнымъ листомъ», не умѣетъ написать простѣйшей записки! Гдѣ же «сладкіе плоды отъ горькаго корня ученія»?

Курсъ ариѳметики, или счисленія сводится къ тому, чтобы ученики рѣшали головоломныя задачи со всякими трудными комбинаціями, въ то время какъ доставшійся въ надѣль его отцу уголь земли, онъ не можетъ измѣрить. Неужели знаніе и умѣніе разобраться въ скорости наполненія водою «бассейновъ», «водоемовъ» чрезъ нѣсколько трубъ, изъ которыхъ въ одну вода вливается, чрезъ другую выливается, умѣніе опредѣлить быстроту хода поѣздовъ, ихъ встрѣчи, умѣніе опредѣлить барыши «ремонтера» и проч.,—неужели эти знанія болѣе необходимы, чѣмъ умѣніе опредѣлить количество земли, урожая и проч. потребностей крестьянскаго обихода, умѣнія считать на счетахъ. Говорятъ, что дѣти отъ рѣшенія задачъ развиваются, дѣлаются сообразительнѣе. Устный счетъ также способствуетъ выработкѣ сообразительности, а общее развитіе будетъ лучше и полнѣе отъ другихъ предметовъ и особенно на урокахъ объяснительнаго чтенія.

Вотъ задачи, къ выполненію которыхъ свелись у насъ занятія въ начальныхъ школахъ. Приобрѣтаемыя въ нихъ знанія недостаточны, несовершенны, не имѣютъ практическаго примѣненія къ жизни, не имѣютъ воспитательнаго значенія, не приучаютъ къ книгѣ, не развиваютъ любознательности, не даютъ толчка къ дальнѣйшему самообразованію, не научаютъ любить и бояться Господа, любить Царя и отечество, почитать родителей, не дѣлаютъ совѣсть болѣе чуткою къ добру и злу. Вотъ почему наши школьники, часто послѣ перваго же года оставляютъ школу по желанію родителей, заявляющихъ нерѣдко, что разъ ребенокъ выучился читать и писать, то больше и нечего ждать отъ школы; окончившіе же школу (послѣ экзаменовъ) становятся весьма рѣдкими гостями воспитавшей ихъ школы, порываютъ всякую связь съ нею, и, по прошествіи года—двухъ едва умѣютъ под-

писать свою фамилию и кое-как почитать. Это и называется грамотностью.

Изъ года въ годъ школа дѣлаетъ «выпуски», изъ года въ годъ считаемъ грамотныхъ больше, но любознательныхъ, любителей чтенія, умѣющихъ записать, написать письмо, людей нравственно чище, религіознѣе, болѣе полезныхъ членовъ общества и государства, на лицо оказывается меньше.

Не эта-ли причина того, что казна изъ года въ годъ возводитъ въ селахъ новыя зданія для училищъ, но крестьянскія общества едва откликаются на призывъ къ школѣ, къ свѣту, къ образованію, и нерѣдко охотнѣе платятъ по рублю и по два въ мѣсяцъ за ребенка частному учителю-солдату, чѣмъ общественное жалованіе присланному учителю. Отсюда ясно, что созданная школа, не удовлетворяетъ народнымъ требованіямъ, предъявленнымъ къ ней, она не мила народу и, если ему приходится содержать ее и, за неимѣніемъ другой, пользоваться ею, то онъ все-таки чувствуетъ, что эта школа не для него, но что его копейка нужна для поддержанія этой школы.

Священникъ *Іоаннъ Соколовъ*.

(Окончаніе будетъ).

Пятидесятилѣтній юбилей священническаго служенія протоіерея Астраханской Гостинно-Николаевской церкви Петра Гавриловича Ильинскаго.

(Продолженіе. См. № 13 Астр. Еп. В. 1907 г.)

О. Николай Воронцовъ произнесъ слѣдующее:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Великъ и славенъ въ мірѣ христіанскомъ угодникъ Божій Святитель Николай! Его святое имя почитаютъ всюду, гдѣ только призывается имя Христова! Востокъ и западъ, сѣверъ и югъ христіанскаго міра одинаково призываютъ св. Николая въ своихъ молитвахъ, какъ предстателя и заступника предъ Богомъ. И наша Святая Русь, съ самыхъ первыхъ дней своей христіанской исторіи, особенно возлюбила сего Святителя. Не смотря на то, что и временемъ и мѣстомъ своей